

УЛЫБКА ОБЯЗАТЕЛЬНА

АЙВЕНТ НОРТ

Айвен Норт

Улыбка обязательна

<https://litres.ru/73571767>

SelfPub; 2026

Аннотация

Метрополис-1 — последний оплот цивилизации, где искусственный интеллект «Улыбка» искоренил негативные эмоции. Здесь каждый гражданин обязан улыбаться, а Индекс счастья контролирует даже дыхание.

Леон Грейн — лучший аудитор бюро эмоционального контроля. Восемь лет он безупречно симулирует счастье, скрывая выжженную пустоту внутри. Но однажды система показывает ему лицо человека, улыбающегося с идеальной маской... и животным ужасом в глазах. Этот миг пробуждает в Леоне то, что он давно похоронил: надежду, страх, желание жить.

Чтобы узнать правду, Леону придётся пойти против системы, стать частью подполья «безликих» и научиться чувствовать заново. Цена — его жизнь, его память и, возможно, свобода всего города.

«Улыбка обязательна» — психологическая антиутопия о мире, где счастье стало приговором, а грусть — привилегией живых. Это история о том, как даже в самой стерильной реальности можно найти в себе силы заплакать от радости.

Содержание

ГЛАВА 1: АУДИТОР	13
ГЛАВА 2: ПРИЗРАК В СЕТИ	37
ГЛАВА 3: СТАНЦИЯ «ТИШИНА»	57
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Айвен Норт

Улыбка обязательна

ПРОЛОГ

ИНДЕКС 100%

Стекло не пропускает тепло.

Леон Грейн сидит в своём кресле уже четвёртый час, и спина начинает неметь – единственное напоминание о том, что у него всё ещё есть тело. Экран перед ним разделён на шестьдесят четыре квадрата. В каждом – лицо. Лица двигаются, моргают, говорят, жуют, зевают, смеются. Леон не слышит их голосов – только видит.

Шестьдесят четыре жизни. Шестьдесят четыре улыбки – или их отсутствие.

Слева на дополнительном мониторе пульсирует зелёная шкала – его собственный Индекс Счастья: 82%. Идеально. Не слишком высоко, чтобы не привлекать внимания, не слишком низко, чтобы не вызывать вопросов. Восемь лет он держит этот показатель с точностью аптекарских весов. Восемь лет его лицо не выдаёт ничего, кроме спокойной, профессиональной доброжелательности.

– Объект 447, – произносит он в гарнитуру, и голос звучит ровно, как метроном. – Левая половина рта поднимается на три миллиметра выше правой. Асимметрия сохраняется

на протяжении четырёх секунд. Индекс объекта – 68%. Подтверждаю вердикт.

Система мигает зелёным: «Вердикт принят. Объект 447 направлен в Центр Коррекции Настроения».

Леон не смотрит на лицо объекта 447 – молодой женщины с рыжими волосами и веснушками, которая, кажется, просто пыталась улыбнуться искренне, но забыла потренироваться перед зеркалом. Он уже видел тысячи таких. Их отправляют, перепрошивают, возвращают. Они выходят с идеальными, симметричными улыбками и пустыми глазами. Им нравится работа, им нравится погода, им нравится всё.

Экран обновляется. Шестьдесят четыре новых лица.

Восемь лет.

Леон позволяет себе моргнуть – один раз, медленно. Это единственная роскошь, которую он может себе позволить в рабочее время. За стеклом его кабинета пульсирует открытое пространство Бюро Эмоционального Контроля: сотни аудиторов в таких же серых костюмах, склонившихся над такими же экранами. Воздух пахнет стерилизатором и дешёвым кофе. Никто не разговаривает – только шелест клавиш и редкое жужжание серверов.

– Объект 448, – начинает Леон, но останавливается.

Что-то не так.

Он смотрит на квадрат в третьем ряду, четвёртый слева. Мужчина. Лет шестидесяти, измождённое лицо, осунувшиеся скулы, одет в дешёвую куртку курьера – судя по марки-

ровке, из Серой зоны. Система окрашивает его зелёным и выводит надпись: *«Индекс Счастья: 100% – Эталон»*.

Мужчина улыбается.

Широко. Искренне. Идеально.

Зубы ровные, губы растянуты именно настолько, насколько нужно, мышцы щёк сокращаются с математической точностью. Если бы Леон увидел эту улыбку на тренировочном модуле, он поставил бы высший балл.

Но глаза.

Глаза мужчины смотрят не в камеру. Взгляд устремлен куда-то вбок, вверх, мечется по углам кадра, как загнанный зверь. Зрачки расширены так, что радужка превратилась в тонкий ободок. Под глазами – синие тени, каких не бывает у счастливых людей. В углу рта – едва заметная дрожь, которую система не видит, потому что её алгоритмы считают микродвижения, но не интерпретируют контекст.

Система видит мышцы. Леон видит глаза.

– Объект 448, – повторяет он, и его голос впервые за долгое время даёт микроскопический сбой – на долю тона выше. – Аномалия.

Он ждёт. Система молчит. Для неё нет аномалии. Объект 448 – эталон. Таких показывают в рекламе Центров Коррекции: *«Посмотрите, как счастлив наш клиент!»*

Леон увеличивает кадр. Мужчина теперь занимает весь экран. Крупным планом – эти глаза. В них плещется что-то тёмное, древнее, то, чего не должно быть в Метрополисе-1

уже двадцать лет.

Страх.

Настоящий, животный страх.

Леон чувствует, как его рука ложится на клавиатуру. Пальцы набирают код доступа к ручной проверке – жест, который он не совершал никогда за восемь лет работы. Система предупреждающе мигает жёлтым: *«Нестандартное действие. Требуется подтверждение»*.

– Подтверждаю, – шепчет Леон.

Он ставит пометку: *«Ложноположительная реакция – требует ручной проверки»*.

Экран мигает, принимая запрос. Изображение мужчины исчезает, уступая место следующему объекту. Леон смотрит на пустой квадрат и понимает, что его Индекс Счастья только что упал на три пункта.

Он заставляет себя улыбнуться – той самой служебной улыбкой, которую отрабатывал годами, – и возвращается к работе.

Объект 449: подросток, индекс 91% – улыбка в норме.

Объект 450: пожилая женщина, индекс 79% – лёгкое напряжение лба, повесить маячок.

Объект 451: мужчина средних лет, индекс 63% – слёзы, срочная отправка.

Шестьдесят четыре лица. Сто двадцать восемь лиц. Двести пятьдесят шесть.

Леон работает до конца смены, не позволяя себе больше

ни одного нестандартного действия.

Когда экран гаснет, возвещая окончание рабочего дня, он ещё несколько минут сидит неподвижно. За стеклом открытое пространство пустеет – аудиторы покидают рабочие места, унося на лицах идеальные улыбки, которые станут чуть более расслабленными, как только они выйдут из зоны видимости камер.

Кроме него. Леон выходит последним.

В лифте он смотрит на своё отражение в полированной стали. Сорок три года. Серые глаза. Ровные брови. Ни одной морщины, хотя он не обращался в Центры Омоложения. Просто восемь лет без единой искренней эмоции – кожа не знает, как складываться в гримасы.

Лифт доставляет его на уровень В.

Вечерний Метрополис-1 встречает его стерильным светом. Искусственное небо над головой показывает закат – оранжевый, розовый, чуть тронутый пурпуром, всегда один и тот же, всегда безупречно красивый. Идеальные газоны вдоль пешеходных дорожек. Люди в идеальных костюмах идут с идеальной скоростью – никто не бежит, никто не опаздывает, никто не толкается.

На углу рекламный щит транслирует улыбающуюся семью: мать, отец, двое детей. Текст: *«Индекс 100% – это легко! Центр Коррекции ждёт вас!»* Дети на экране смеются – звонко, синхронно, как дрессированные дельфины.

Леон идёт к своему дому. Ноги несут его автоматически –

он мог бы пройти этот маршрут с закрытыми глазами. Пятьсот тридцать семь шагов от турникета до подъезда. Сорок три шага от подъезда до лифта. Двадцать одна секунда на тринадцатый этаж.

Квартира встречает его тишиной и стерильным воздухом.

Леон сбрасывает пиджак на кресло – единственный беспорядок, который он себе позволяет. Идёт к кухонной панели, заказывает ужин: стандартный набор блюд, стандартный баланс белков и жиров. Панель жужжит, разогревая контейнер.

Он садится за стол и смотрит на стену.

Там висит проектор. Старая модель, ещё с тех времён, когда проекторы были просто проекторами, а не частью системы. Леон включает его – движение пальца, которое он повторяет каждый вечер вот уже восемь лет.

На стене появляется изображение.

Женщина смеётся. У неё рыжие волосы – настоящие, некрашенные, непослушные. Она держит на руках девочку лет трёх, с такими же рыжими вихрами. Девочка тянется к экрану, пытаясь поймать свечу на виртуальном торте. Свеча не даётся. Девочка смеётся – заливисто, некрасиво, по-настоящему.

Лаура.

Дочь.

Леон смотрит на них неподвижным взглядом. Восемь лет он включает эту запись каждый вечер. Восемь лет его лицо

не меняется.

Но сегодня что-то идёт не так.

Сегодня, глядя на смех Лауры, он видит перед собой другие глаза – глаза того мужчины с экрана. Расширенные зрачки, затравленный взгляд, идеальная улыбка на губах и абсолютный ужас глубоко внутри.

– Кто ты? – шепчет Леон в пустоту квартиры.

Запись на стене заканчивается. Экран гаснет.

В наступившей темноте Леон сидит неподвижно, и впервые за долгое время его рука дрожит.

На запястье мягко вибрирует браслет – приложение Индекса Счастья сообщает: *«Ваш показатель снизился до 79%. Рекомендуется отдых и позитивные аффирмации».*

Леон смотрит на цифры. 79% – опасная близость к порогу, за которым начинаются вопросы.

Он заставляет себя улыбнуться. Отработанным движением расслабляет мышцы лица. Дышит ровно.

Индекс ползёт вверх: 80%... 81%... 82%.

Идеально.

Но в голове всё ещё стоят те глаза.

Кто ты?

Ответа нет. Только пустота и гул вентиляции.

Ночью Леону снится сон. Впервые за много лет.

Он стоит на заброшенной станции метро, какой-то старой ветки, отключённой от системы. Вокруг темнота, только редкие лампы мигают аварийным светом. Рельсы уходят в ни-

куда.

Напротив стоит тот мужчина. Улыбается. Широко. Искренне. Идеально.

– Ты видел меня, – говорит мужчина. – Ты единственный, кто увидел.

Леон хочет спросить, но язык не слушается.

– Они идут за мной, – продолжает мужчина. – Но я успею. Я передам тебе. Запомни: грусть – это...

Свет гаснет.

Леон просыпается в холодном поту.

Часы показывают 3:47. За окном – искусственная ночь, звёзды на куполе мерцают слишком ровно, чтобы быть настоящими.

Он лежит, глядя в потолок, и повторяет про себя:

Грусть – это...

Что?

Сон ускользает, тает, оставляет только смутное ощущение тревоги.

Но что-то изменилось. Леон чувствует это кожей, хотя давно разучился доверять чувствам.

Внутри него, где восемь лет была только пустота, что-то шевельнулось – маленькое, тёмное, живое.

Он не знает ещё, что это: страх, надежда, интерес.

Он не знает, что завтрашний день начнёт разрушать его аккуратный, стерильный мир.

Он просто лежит в темноте и ждёт утра.

Система зафиксировала нестандартное поведение аудитора Леона Грейна. Запрос на ручную проверку объекта 448 направлен в архив. Ответ: «Объект не найден». Действия аудитора требуют дополнительного наблюдения.

Уровень доверия: снижен на 0.3%.

Рекомендация: мониторинг.

Над кроватью Леона загорается зелёный индикатор – камера слежения меняет угол обзора, чтобы лучше видеть его лицо во сне.

Леон спит.

Ему снится улыбка, полная ужаса.

ГЛАВА 1: АУДИТОР

Браслет на запястье вибрирует ровно в 6:00.

Леон открывает глаза за секунду до сигнала – тело давно приучено просыпаться без внутреннего сопротивления. Он садится на кровати, опускает ноги на прохладный пол, смотрит прямо перед собой три секунды. Этого достаточно, чтобы остатки сна выветрились из головы.

Ванная комната встречает его ровным белым светом и запахом стерилизатора. Леон чистит зубы, глядя в зеркало на свое отражение. То же лицо, что вчера, что год назад, что пять лет назад. Ни мешков под глазами, ни следов бессонницы – организм давно не производит лишних гормонов, которые могли бы испортить внешность.

Он замечает, что губы сложились в нейтральную линию, и поправляет это: легкая улыбка, расслабленная, доброжелательная. На всякий случай. Камеры в квартире официально предназначены для безопасности, но Леон знает, что они смотрят всегда. Все камеры всегда смотрят.

На кухне его ждет стандартный завтрак. Панель выдает контейнер с идеально сбалансированным набором нутриентов: омлет с заменителем белка, тост из синтезированной муки, напиток с витаминным комплексом. Леон ест механически, не чувствуя вкуса, – он отключил эту опцию давно, когда понял, что еда не приносит удовольствия, а только напо-

минает о том, что раньше было по-другому.

Браслет на запястье мягко пульсирует зеленым: «Ваш Индекс Счастья: 82%. Отличный показатель для начала дня!»

Леон смотрит на цифры. 82% – его личный эталон. Восемь лет он держит этот уровень с точностью до десятых. Когда-то это требовало усилий – приходилось специально думать о приятных вещах, вспоминать рабочие успехи, заставлять себя улыбаться. Теперь это происходит автоматически. Организм привык симулировать счастье так же естественно, как дышать.

Он отодвигает пустой контейнер и смотрит на стену, где висит проектор.

Утром он никогда не включает запись. Только вечером. Это правило он установил для себя восемь лет назад и никогда не нарушал. Утром нужно быть собранным, эффективным, идеальным. Вечером можно позволить себе маленькую слабость.

Но сегодня что-то тянет его взглянуть на экран. Всего одним глазом. Проверить, что запись всё ещё там, что Лаура всё ещё смеётся, что дочь всё ещё тянется к свече.

Леон сжимает челюсть и отворачивается.

Правила существуют, чтобы их соблюдать.

Он надевает форму – серый костюм, белая рубашка, никаких аксессуаров, никаких индивидуальных деталей. Аудитор Бюро Эмоционального Контроля должен выглядеть как часть системы, а не как личность. Леон давно привык к это-

му. Иногда ему кажется, что под костюмом вообще ничего нет – только пустота и механизмы, которые поддерживают его в вертикальном положении.

Выход из квартиры – двадцать одна секунда на лифте, срок три шага до турникета, пятьсот тридцать семь шагов до поворота на главную магистраль. Леон считает шаги автоматически, хотя давно перестал обращать на это внимание.

Утро Уровня В встречает его идеальной картинкой.

Небо – искусственное, но безупречное: легкая дымка, сквозь которую пробиваются лучи синтезированного солнца. Газоны – зеленые, ровные, ни одной травинки не торчит выше другой. Дорожки – чистые, без пыли и мусора. Люди – в таких же серых костюмах, с такими же легкими улыбками, движутся с такой же рассчитанной скоростью.

Леон вливается в поток. Справа мужчина лет пятидесяти, лысеющий, с аккуратной бородкой, смотрит прямо перед собой и улыбается. Слева женщина в очках, молодая, симпатичная, тоже улыбается, чуть склонив голову. Никто не смотрит друг на друга. Никто не заговаривает. Только шарканье подошв и редкий шелест одежды.

На углу, перед переходом, огромный экран транслирует утреннюю программу «Счастливый час». Ведущая – девушка с идеальными зубами и глазами, в которых нет ничего, – щебечет:

– ...А знаете ли вы, что улыбка задействует семнадцать лицевых мышц? Всего семнадцать маленьких движений,

чтобы ваш Индекс поднялся на целых пять процентов! Попробуйте прямо сейчас – улыбнитесь вместе с нами!

Экран показывает крупным планом её лицо. Губы растягиваются, щеки поднимаются, глаза чуть прищуриваются – идеальная, выверенная, отрепетированная улыбка. Леон знает, что сейчас сотни тысяч людей на Уровне В повторяют это движение, механически, не задумываясь.

Он тоже улыбается – на всякий случай.

Браслет вибрирует одобрительно: «Отличная улыбка! Ваш Индекс поднялся до 83%».

Леон проходит мимо рекламного щита Центра Коррекции Настроения. На щите – фотографии ”до” и ”после”. Слева – женщина с заплаканными глазами, опущенными уголками губ, осунувшимся лицом. Подпись: Индекс 54%. Грусть, тревога, апатия. Справа – та же женщина, сияющая, гладколицая, с широкой улыбкой. Подпись: Индекс 98%. Счастье, энергия, любовь к жизни! Всего три процедуры – и вы забудете о негативе навсегда!

Леон смотрит на женщину справа. Ее глаза – такие же пустые, как у ведущей с экрана. Но он знает, что она действительно счастлива. Или думает, что счастлива. Или просто не помнит, что значит быть несчастной.

Разница не так велика, как кажется.

Здание Бюро Эмоционального Контроля возвышается над кварталом, как монолит – серый, гладкий, без окон на нижних этажах. Только узкие вертикальные щели, за которыми

угадываются вентиляционные шахты. Леон проходит через турникет, прикладывая запястье к сканеру. Зеленый свет, механический голос: «Доброе утро, старший аудитор Грейн. Ваш допуск: уровень 3. Рабочее место: сектор 7, терминал 12».

Лифт поднимает его на четырнадцатый этаж. Двери открываются в офис – огромный зал, заставленный рядами столов с голографическими экранами. Сотни аудиторов уже сидят на своих местах, склонившись над лицами на мониторах. Воздух наполнен тихим жужжанием – вентиляция, серверы, редкое покашливание.

Леон проходит к своему терминалу. Соседнее кресло пусто – Йонссон еще не пришел. Это хорошо. Йонссон – молодой, амбициозный, с идеальной укладкой и слишком громким голосом – всегда пытается заговорить, завязать дружбу, обсудить последние новости. Леон предпочитает тишину.

Он садится, надевает гарнитуру, проводит пальцем по сенсору активации. Экран загорается, и шестьдесят четыре лица заполняют пространство перед ним.

– Доброе утро, аудитор Грейн, – говорит система голосом, лишенным интонаций. – В очереди на обработку: 12 847 объектов. Среднее время на объект: 4.2 секунды. Ваша норма: 850 объектов за смену. Желаю продуктивной работы.

Леон выдыхает. Один раз. Медленно.

– Объект 001, – начинает он.

И погружается в поток.

Лица плывут перед глазами.

Объект 001: женщина, сорок лет, индекс 76% – легкое напряжение губ, возможно, просто усталость. Леон ставит пометку «мониторинг» и переходит к следующему.

Объект 002: мужчина, тридцать пять, индекс 91% – улыбка идеальна, но брови чуть сведены. Леон увеличивает кадр. Да, точно, едва заметная складка между бровями. Система не видит – алгоритмы настроены на рот, на щеки, на уголки глаз. Брови не в приоритете.

– Объект 002: подозрение на симуляцию, – говорит Леон.
– Локальный маячок.

Система принимает. Экран мигает.

Объект 003: подросток, лет шестнадцати, индекс 68% – слезы. Девочка. Русые волосы падают на лицо, она не пытается их убрать. Плачет – не навзрыд, а тихо, безнадежно. Индекс падает, система уже окрашивает ее оранжевым: критическое значение.

Леон смотрит на нее две секунды. Потом говорит:

– Объект 003: подтверждаю вердикт. Направление в ЦКН.
Экран мигает красным: Вердикт принят. Объект 003 будет доставлен в течение часа.

Леон не отводит взгляда от её лица. Она поднимает голову, смотрит прямо в камеру – но не видит его, не может видеть, просто смотрит в никуда, и в её глазах такое отчаяние, что у нормального человека сжалось бы сердце.

У Леона не сжимается.

Он переводит взгляд на следующий квадрат.

Объект 004: старик, индекс 79% – улыбается, но как-то криво, словно забыл, как это делается. Леон ставит «мониторинг».

Объект 005: молодой человек, индекс 95% – всё идеально, пропускает.

Объект 006: женщина, пятьдесят лет, индекс 67% – истерика. Лицо красное, рот открыт в беззвучном крике, слезы текут ручьем. Леон подтверждает вердикт, даже не задумываясь.

Объект 007, 008, 009...

Леон работает как машина. Глаза скользят по лицам, пальцы нажимают клавиши, голос произносит стандартные фразы. Четыре секунды на объект. Двадцать объектов в минуту. Тысяча двести в час.

Восемь лет.

Иногда он ловит себя на мысли, что не отличает одно лицо от другого. Они сливаются в сплошной поток – улыбки, слезы, гримасы страха, маски притворства. Система учит его не видеть в них людей. Только объекты. Только показатели. Только цифры.

Это помогает.

В десять тридцать, во время пятиминутного перерыва, Леон откидывается в кресле и закрывает глаза. Сквозь веки пробивается ровный свет ламп. В голове пустота – лучший отдых, который он может себе позволить.

– Леон! Доброе утро!

Голос врывается в тишину, как дрель. Леон открывает глаза.

Рядом с его столом стоит Йонссон – молодой, сияющий, в идеально выглаженном костюме, с укладкой, на которую уходит не меньше получаса каждое утро. Он улыбается той особенной улыбкой, которую Леон научился распознавать: служебная, приторная, с намеком на дружелюбие, за которым ничего нет.

– Доброе, – коротко отвечает Леон.

Йонссон не чувствует холода в голосе. Или делает вид, что не чувствует.

– Слышал, тебя повышают? – Йонссон садится на свое место, поворачивается к Леону всем корпусом. – До старшего аудитора? Поздравляю! Это большой шаг к Уровню А.

Леон смотрит на него без выражения. Откуда Йонссон знает? Повышение еще не утверждено, это предварительная информация.

– Слухи, – говорит Леон.

– Ой, да брось! – Йонссон машет рукой. – У нас всё быстро становится известно. Ты же лучший, Леон. Всегда спокойный, всегда точный. Начальство таких любит.

Он наклоняется ближе, понижая голос до доверительного шепота:

– Слушай, может, пообедаем вместе сегодня? Я знаю отличное место в секторе 4, там дают настоящий кофе, не син-

тезированный. У меня есть пропуск.

Леон смотрит на него. Йонссон улыбается, глаза блестят. За этой улыбкой может быть что угодно – искреннее желание подружиться, попытка втереться в доверие, приказ начальства следить за перспективным сотрудником. Леон не знает. И не хочет знать.

– Я обедаю на рабочем месте, – отвечает он.

Йонссон на секунду скисает, но тут же восстанавливает улыбку:

– Ну как хочешь. В другой раз!

Он отворачивается к своему терминалу, и Леон слышит, как тот начинает бормотать в гарнитуру стандартные фразы.

Леон закрывает глаза. Еще две минуты тишины.

Мысли возвращаются к вчерашнему дню. К тому мужчине. К глазам, полным ужаса. К пометке «требуется ручной проверки», которую он никогда не ставил.

Зачем он это сделал?

Ответа нет. Или он есть, но Леон боится его формулировать.

– Объект 256, – начинает он, когда перерыв заканчивается.

Работа затягивает его обратно.

Но в четырнадцать тридцать произошло то, чего Леон не ожидал.

Система выдает стандартный запрос: «Аудитор Грейн, ваше действие от 17.08 по объекту 448 требует пояснения. По-

жалуйста, подтвердите причину ручной проверки».

Леон застывает. Он надеялся, что запрос затеряется, что система забудет, что инцидент сотрется сам собой. Наивно.

Он набирает ответ: «Подозрение на аномалию в мимике. Требовалась дополнительная верификация».

Система обрабатывает три секунды.

«Запрос принят. Проведен анализ архива. Объект 448 не найден. Возможно, ошибка идентификации. Рекомендуются в будущем сверять данные с базой перед ручной проверкой. Ваш уровень доверия: 99,7% (снижение на 0,3%)».

0,3%.

Леон смотрит на цифры. Ничтожно мало. Система просто фиксирует отклонение, но не считает его критическим. Еще десять таких действий – и уровень упадет до 99%, что всё еще отлично. Сто – и начнутся вопросы.

Но дело не в процентах.

Объект 448 не найден.

Человек, которого он видел, – мужчина с глазами, полными ужаса, и идеальной улыбкой на губах исчез из базы данных. Словно его никогда не существовало.

Леон сидит неподвижно, глядя на экран. Внутри него что-то шевелится. То же самое, что шевельнулось ночью. Темное. Живое.

Интерес.

Он быстро подавляет его. Не время. Не место. Рабочий день продолжается.

– Объект 312, – говорит он, возвращаясь к лицам.

Но краем глаза он замечает, что Йонссон смотрит на него. Йонссон улыбается. Кивает. Отворачивается.

Леон знает этот взгляд. Это взгляд человека, который что-то заметил.

Надо быть осторожнее, – думает Леон.

И продолжает работать.

Время до конца смены пролетает незаметно, склеенное из однотипных объектов. В девятнадцать ноль-ноль экран гаснет.

Леон сидит еще минуту, глядя в темноту монитора. Смена закончена, очередь обработана, показатели в норме. Он провел сегодня 863 объекта – чуть выше нормы. Ни одной ошибки. Ни одного сбоя.

Кроме того, что он не может перестать думать о человеке, которого не существует.

Йонссон уже ушел – попрощался своей приторной улыбкой и растворился в потоке аудиторов. Офис пустеет, лампы гаснут секторами, оставляя только дежурное освещение. Леон поднимается, поправляет костюм, идет к лифту.

В лифте он снова смотрит на свое отражение. Те же серые глаза. То же отсутствие морщин. Но что-то неуловимо изменилось. Или ему только кажется.

– Домой, – говорит он вслух, и лифт послушно трогается.

На улице уже искусственный вечер. Небо над головой темнеет, зажигаются первые звезды – слишком ровные, слиш-

ком яркие, слишком правильные, чтобы быть настоящими. Леон идет по пустеющим улицам, и его шаги отдаются эхом от стен идеальных домов.

В подъезде пахнет стерилизатором и свежестью. Лифт поднимает его на тринадцатый этаж. Коридор пуст – соседи либо уже дома, либо еще не вернулись.

Леон входит в квартиру, сбрасывает пиджак на кресло, идет к кухонной панели заказывать ужин. Всё как всегда.

Но сегодня он не садится за стол сразу.

Сегодня он подходит к стене, где висит проектор.

Включает.

На стене появляется Лаура.

Она стоит на кухне – в их старой квартире, той, что была восемь лет назад, до всего. На ней домашнее платье, легкое, с цветочным рисунком, который она любила. Волосы собраны в небрежный пучок, несколько рыжих прядей выбились и падают на лицо.

Она смеется.

Леон смотрит на этот смех и пытается вспомнить, как он звучал. Запись немая – он специально отключил звук много лет назад, потому что голос Лауры был невыносим. Но сейчас, глядя на ее смеющееся лицо, он почти слышит его – звонкий, чуть хрипловатый, заразительный.

На руках у Лауры – дочь. Три года. Тоже рыжая, вихрастая, с огромными глазами. Она тянется к столу, где стоит торт с одной свечой. Свеча горит. Девочка дует, но не попа-

дает по пламени – слишком мала, слишком не координирована. Лаура смеется еще громче, целует дочь в макушку, поправляет свечу, дает задуть снова.

Девочка задувает. Свеча гаснет.

Лаура хлопает в ладоши.

Стоп.

Запись обрывается. Леон запрограммировал ее так – останавливаться на самом счастливом моменте. Чтобы не видеть того, что было дальше. Чтобы не вспоминать.

Он стоит перед погасшим экраном, и его лицо неподвижно.

Но внутри – там, где восемь лет была пустота, – теперь что-то пульсирует. Тупая, ноющая боль, которую он не может идентифицировать. Не горе – он давно разучился горевать. Не тоска – тоска требует памяти о счастье, а память стерта.

Просто боль.

Леон садится за стол, ест ужин, не чувствуя вкуса. Смотрит на стену, где только что была Лаура.

Думает о том, что сказала бы она, если бы увидела его сейчас. Если бы узнала, чем он занимается каждый день. Если бы поняла, что он стал частью системы, которая...

Он обрывает мысль.

Нельзя.

В двадцать один тридцать браслет на запястье вибрирует. Леон смотрит – служебное сообщение.

Уважаемый старший аудитор Грейн! Бюро Эмоционального Контроля уведомляет вас о повышении уровня допуска до 4 в связи с положительной аттестацией. Для подтверждения статуса вам необходимо пройти добровольное тестирование в секторе 1 завтра в 9:00. Тестирование займет не более 30 минут и включает проверку эмоциональной стабильности. Явка обязательна.

Поздравляем с повышением!

Леон перечитывает сообщение дважды.

Уровень 4 – это доступ к закрытым архивам. К данным, которые не видят обычные аудиторы. К информации о ликвидациих, о «терактах», о...

Он заставляет себя остановиться.

Тестирование. Эмоциональная стабильность. Тридцать минут с датчиками на висках, с вопросами, с картинками, призванными вызвать реакцию. Обычно это простая формальность, но после вчерашнего инцидента...

0,3% снижения доверия.

Система не забывает. Система проверяет.

Леон смотрит на свое отражение в темном экране проектора. Увидит ли тестирование то, что шевелится внутри? Заметит ли эту новую, пульсирующую боль? Сочтет ли ее угрозой?

Надо быть идеальным. Идеальнее, чем обычно.

Он ложится спать в двадцать три ноль-ноль, как всегда. Закрывает глаза. Дышит ровно. Считает про себя, чтобы не

думать.

Но перед тем как провалиться в сон, он слышит голос. Не настоящий – внутренний. Шепот, который он не может заглушить:

Грусть – это...

Что?

Он не помнит окончания фразы. Но теперь знает точно: тот мужчина не был ошибкой. Тот мужчина был реален. И он что-то знал. Что-то важное. Что-то, что не дает ему покоя даже на грани сна.

В два часа ночи это «что-то» поднимает ему веки. Леон просыпается не от толчка, а от внезапной ясности в голове, которая тут же гаснет, оставляя его наедине с темнотой. За окном – искусственная ночь, звезды на куполе мерцают с идеальной периодичностью.

Он лежит неподвижно и слушает тишину.

Что-то не так.

Он не сразу понимает, что именно. А потом до него доходит: индикатор камеры в углу комнаты горит не ровным зеленым, а чуть мигает. Едва заметно. Раз в секунду. Как пульс.

Камера следит за ним. Не просто записывает – анализирует. Считывает микродвижения глаз под веками, частоту дыхания, мышечные сокращения.

Леон не меняет позы. Не задерживает дыхание. Просто лежит, глядя в потолок, и ждет.

Через пять минут мигание прекращается. Индикатор снова горит ровно.

Но Леон знает: система его заметила.

Или не его, а что-то в нем. Что-то, что изменилось за последние два дня.

Он закрывает глаза и заставляет себя уснуть. Завтра важный день. Завтра тестирование. Завтра он должен быть идеальным.

Перед тем как провалиться в сон, он дает себе слово: найти того мужчину. Или узнать, что с ним случилось. Или понять, что значат эти глаза.

Впервые за восемь лет у Леона Грейна появилась цель.

Казалось, он только смежил веки, как реальность бесцеремонно вторглась в его сознание вибрацией на запястье.

Браслет завибрировал в 6:00, и Леон открывает глаза с четким пониманием: сегодня он пойдет на тестирование, пройдет его идеально, получит уровень 4, а потом начнет искать.

Он не знает как. Не знает где. Но внутри него теперь горит маленький огонек – тот самый, темный, живой, который зажегся вчера.

Леон встает, идет в ванную, чистит зубы, смотрит в зеркало.

На этот раз он не поправляет улыбку. Просто смотрит.

– Кто ты? – шепчет он своему отражению.

Отражение молчит. Но Леону кажется, что в серых глазах

мелькает что-то новое. То ли интерес. То ли надежда. То ли страх.

Он не знает.

Но он хочет узнать.

Леон одевается, завтракает, выходит из квартиры. Пятьсот тридцать семь шагов до турникета, сорок три шага до лифта, двадцать одна секунда на тринадцатый этаж – сегодня он не считает. Сегодня он думает о другом.

На углу, перед переходом, огромный экран снова транслирует «Счастливый час». Та же ведущая с идеальными зубами щебечет про пользу улыбки. Леон проходит мимо, даже не взглянув.

Он сворачивает не к главному входу Бюро, а в боковой коридор, ведущий в сектор 1. Там, на минус третьем уровне, расположены кабинеты тестирования.

Лифт опускает его вниз. Двери открываются в белый, стерильный коридор. Воздух здесь пахнет озоном и спиртом. Ни одного человека – только камеры в каждом углу, только датчики движения на стенах.

– Старший аудитор Леон Грейн, – говорит механический голос. – Следуйте за указателями.

Зеленая линия загорается на полу, ведет к двери в конце коридора. Леон идет по ней, считая шаги автоматически: двадцать три до поворота, еще семнадцать до двери.

Дверь открывается сама.

Внутри – небольшая комната с креслом, похожим на сто-

матологическое. Над креслом – шлем с датчиками, опутанный проводами. У стены – стол с монитором, за которым сидит женщина в белом халате. Молодая, симпатичная, с идеальной служебной улыбкой.

– Леон Грейн? – она встает, протягивает руку. – Я доктор Саймонс, буду проводить тестирование. Присаживайтесь.

Леон пожимает руку – ладонь сухая, прохладная, профессиональная. Садится в кресло. Женщина надевает ему на голову шлем, затягивает ремни. Датчики касаются висков, затылка, темечка.

– Расслабьтесь, – говорит она. – Это займет около тридцати минут. Вам будут показывать изображения и задавать вопросы. Просто отвечайте первое, что приходит в голову. Не думайте. Чувствуйте.

Леон кивает.

Экран перед ним загорается.

Первый слайд: ребенок, играющий с собакой. Щенок лижет мальчику лицо, мальчик смеется.

– Опишите свои ощущения, – просит доктор Саймонс.

– Мальчик счастлив, – отвечает Леон ровно. – Собака тоже. Идиллическая картина.

Датчики на висках чуть давят. Леон знает: они считывают активность мозга, сравнивают с эталоном. Он знает, как должен реагировать нормальный человек. Он репетировал это тысячи раз.

– Что вы чувствуете, глядя на это? – уточняет доктор.

– Спокойствие. Легкую радость. Приятные воспоминания.

Врет. Он не чувствует ничего. Но датчики показывают ровно ту активность, которую должны показывать у человека, испытывающего легкую радость. Имплант работает идеально.

Второй слайд: похороны. Гроб, цветы, плачущие люди.

– А это?

– Грусть. Сочувствие. Понимание неизбежности потерь.

Датчики фиксируют «нормальную печаль». Леон знает: нужно чуть больше активности в зонах, отвечающих за эмпатию. Он мысленно направляет туда сигнал, и имплант подстраивается.

Третий слайд: абстрактная картина, яркие цвета, хаотичные мазки.

– Ваши ассоциации?

– Энергия. Хаос. Возможно, радость творчества.

Доктор Саймонс кивает, что-то записывает в планшет.

Вопросы идут один за другим. Леон отвечает автоматически, как машина, настроенная на нужные реакции. Иногда он позволяет себе маленькие отклонения – чуть больше задумчивости, чуть меньше уверенности – чтобы не выглядеть слишком идеальным. Настоящие люди не всегда последовательны.

Через двадцать восемь минут экран гаснет.

– Отлично, – доктор Саймонс снимает шлем. – Вы про-

шли. Стабильность 98,7%, что выше среднего. Поздравляю, уровень 4 активирован.

Леон встает, поправляет волосы.

– Спасибо.

– Это вам спасибо, – она улыбается. – Такие сотрудники, как вы, – гордость Бюро. Редко встретишь человека с таким идеальным эмоциональным балансом.

Она смотрит на него чуть дольше, чем нужно. В ее глазах мелькает что-то... Леон не может определить. Интерес? Восхищение? Или просто профессиональное любопытство?

– Если когда-нибудь захотите принять участие в исследованиях по улучшению тестирования, – добавляет она, – я буду рада. Ваши данные уникальны.

Леон кивает и выходит.

В коридоре он позволяет себе выдохнуть. Только один раз. Потом собирается и идет к лифту.

Уровень 4 открывает перед ним новые возможности. Но главное – доступ к закрытым архивам. Теперь он сможет искать.

Кого? Он пока не знает. Того мужчину. Информацию о нем. Или о других таких же – с идеальными улыбками и полными ужаса глазами.

Леон поднимается в офис, садится за свой терминал. Йонссон уже на месте, смотрит на него с любопытством.

– Ну как? – спрашивает он. – Прошел?

– Да.

– Поздравляю! – Йонссон сияет. – Теперь ты почти элита. Слушай, может, отметим? Я знаю одно место в Серой зоне, там...

– Нет, – обрывает Леон. – Работа.

Йонссон на секунду застывает, потом пожимает плечами и отворачивается.

Леон надевает гарнитуру, активирует экран. Шестьдесят четыре новых лица.

Но теперь, кроме стандартного интерфейса, в углу экрана появилась новая иконка: Доступ к архивам уровня 4.

Он смотрит на нее три секунды. Потом переводит взгляд на лица.

– Объект 001, – начинает он.

Работа затягивает его. Но краем глаза он всё время видит ту иконку. Она ждет. Она манит.

Вечером, после смены, Леон не идет сразу домой.

Он остается в здании Бюро, спускается на два уровня ниже, в архивный сектор. Там, в маленькой кабинке с терминалом, он вводит свой новый код доступа.

Система спрашивает: Цель запроса?

Леон на секунду задумывается. Потом набирает: Проверка данных по объекту 448 для отчета об ошибке идентификации.

Ложь. Но система принимает.

Экран мигает, загружая архивы. Леон вводит параметры: дата, время, сектор Серой зоны, где была сделана запись.

Поиск...

Секунда. Две. Три.

Результатов не найдено.

Леон сжимает челюсти. Он знал, что так будет. Но надеялся на чудо.

Он меняет параметры: расширяет диапазон дат на неделю вперед и назад. Потом на месяц. Потом на всё время существования системы.

Результатов не найдено.

Человек, которого он видел, полностью стерт из базы данных. Не просто удален – стерт так тщательно, что не осталось даже цифрового следа. Это возможно только по прямому приказу сверху. С уровня А. Или от самого ИИ.

Леон откидывается на спинку кресла и смотрит в пустой экран.

Значит, он был важен. Настолько важен, что систему заставили его забыть.

Вопрос: почему?

И главное: где он сейчас?

Леон выключает терминал и выходит из архивного сектора. В коридоре пусто, только камеры провожают его поворотом объективов.

Он идет к выходу, но на полпути останавливается.

В теневом сегменте сети, куда у него есть доступ как у аудитора, иногда появляются странные каналы. Запрещенные. Те, что система пытается блокировать, но они всё равно

возникают снова. Леон никогда не обращал на них внимания – это не входило в его обязанности.

Но сейчас...

Он достает персональный коммуникатор – маленькую пластину, которую носит во внутреннем кармане пиджака. Выходит в сеть через запасной канал, которым пользуются аудиторы для отслеживания нарушителей.

Ищет.

Каналов много: торговля эмоциональными чипами, подпольные клубы, где люди смотрят старые фильмы. Леон пролистывает их один за другим.

И вдруг замирает.

Канал с названием «TRUMAN_LOOP».

Он открывает его.

Экран коммуникатора заполняется старым, зернистым видео. Леон узнает его сразу – «Шоу Трумана», фильм, который запретили двадцать лет назад за «пропаганду недовольства реальностью». На экране Труман стоит на фоне идеального неба и улыбается – точно так же, как улыбаются все в Метрополисе-1.

Внизу, в углу экрана, бегущая строка:

Тебе нравится твоя улыбка?

Леон смотрит на эти слова и чувствует, как внутри него снова шевелится то темное, живое.

Он знает, что должен сообщить об этом канале. Должен зафиксировать нарушение, отправить отчет, заблокировать.

Вместо этого он запоминает адрес канала.

И выключает коммуникатор.

На улице уже ночь. Искусственные звезды мерцают слишком ровно. Леон идет домой, и его шаги отдаются эхом от стен идеальных домов.

Он не знает, во что ввязывается.

Но впервые за восемь лет ему всё равно.

Ночью система фиксирует аномалию: аудитор Леон Грейн провел 17 минут в архивном секторе после закрытия. Цель запроса: объект 448, не найденный в базе.

Уровень доверия: снижен еще на 0,2%.

Рекомендация: усилить мониторинг.

Камера в углу спальни Леона мигает чуть чаще, чем обычно.

Леон спит.

Ему снова снится станция метро. Тот мужчина. И фраза, которую он не может вспомнить до конца:

«Грусть – это привилегия...»

ГЛАВА 2: ПРИЗРАК В СЕТИ

Следующие три дня Леон живёт двойной жизнью.

Снаружи – идеальный аудитор с показателем 82% и безупречной трудовой дисциплиной. Он приходит ровно в 8:45, садится за терминал, обрабатывает свои 850 объектов, улыбается в нужные моменты, кивает Йонссону, когда тот отпускает очередную ничего не значащую шутку. Всё как всегда.

Внутри – другое.

Внутри он считает часы до момента, когда можно будет остаться одному и снова зайти в тот канал.

«TRUMAN_LOOP».

Название застряло в голове, пульсирует где-то на границе сознания, просачивается в сны. Леон видит обрывки старого фильма – Труман, стоящий у штурвала лодки; Труман, упирающийся руками в стену неба; Труман, улыбающийся той самой идеальной улыбкой, за которой – пустота. Или ужас. Леон уже не уверен, что одно отличается от другого.

На второй день после тестирования, во время обеденного перерыва, он снова открывает коммуникатор.

Канал всё ещё активен.

Теперь там не просто фрагмент фильма – там целая подборка. Леон листает, затаив дыхание, хотя в его кабинке никого нет, а камера в углу смотрит слепо – он специально сел так, чтобы экран был вне её поля зрения.

«Расёмон» – чёрно-белые кадры, люди смотрят друг на друга с ненавистью, подозрением, страстью.

«Земляничная поляна» – старик, вспоминающий молодость, и слёзы на его лице.

«Перед рассветом» – двое говорят о чём-то, и в их глазах свет, которого Леон не видел ни у кого в Метрополисе-1.

Запрещённое кино. Всё это запрещено двадцать лет. За хранение таких файлов – коррекция. За просмотр – принудительное лечение. За распространение – статус «эмоционально нестабилен» и пожизненная изоляция на Уровне D.

Леон смотрит на эти лица и чувствует то, что не может назвать.

Не радость. Не грусть. Что-то другое – узнавание. Словно он смотрит в зеркало, которое показывает не его лицо, а то, что под ним.

Он закрывает канал, прячет коммуникатор и возвращается к работе.

Но мысль уже не отпускает.

В наступившей тишине слышно только, как шуршит охлаждение коммуникатора. Леон моргает, прогоняя наваждение, и снова смотрит на экран, где его ждет работа. Ритм клавиш – попытка заглушить внутренний диалог.

– Леон, у тебя всё в порядке?

Йонссон смотрит на него с приторным беспокойством. Они сидят рядом уже третий час, и Леон замечает, что коллега то и дело косится в его сторону.

– В полном, – отвечает Леон, не отрывая взгляда от экрана.

– Просто ты какой-то... – Йонссон делает паузу, подбирая слово. – ...задумчивый последние дни. Всё хорошо?

Леон поворачивается к нему. Смотрит прямо в глаза. Йонссон улыбается, но в улыбке этой что-то натянутое, словно он слишком старается.

– У меня повышение, – ровно говорит Леон. – Новые обязанности. Я изучаю материалы.

– А, ну да, ну да, – Йонссон кивает слишком быстро. – Конечно. Новый уровень – новые возможности. Я слышал, у четвёртого уровня доступ к архивам шире?

Леон молчит секунду.

– Шире, – подтверждает он.

– И что там интересного? – Йонссон наклоняется ближе, понижая голос до доверительного шёпота. – Говорят, там можно найти старые записи, ещё до Ресурсного коллапса. Правда?

– Не знаю. Я изучаю рабочие материалы.

– А-а-а, – разочарованно тянет Йонссон. – Ну да, ну да. Рабочие.

Он отворачивается, но Леон чувствует: разговор не закончен. Йонссон будет копать. Такие, как он, всегда копают.

Леон возвращается к экрану. Шестьдесят четыре лица. Объект 412 – мужчина с неестественно широкой улыбкой, подозрительно широкой. Леон ставит маячок. Объект 413 –

женщина, индекс 71%, слёзы на глазах. Отправка. Объект 414 – подросток, улыбается, но в глазах тоска.

Работа затягивает, но краем сознания Леон продолжает думать о канале.

«TRUMAN_LOOP».

Кто его создал? Зачем? И главное – почему он до сих пор существует, если система блокирует всё запрещённое за секунды?

Ответ только один: система позволяет ему существовать. Наблюдает. Ждёт, кто клюнет.

Леон знает это профессионально. Аудиторы часто используют такие каналы как приманку – забрасывают в сеть что-то запретное и смотрят, кто поведётся. Потом приходят с обыском, с коррекцией, с отправкой на Уровень D.

Может, это ловушка.

Может, тот мужчина с глазами, полными ужаса, тоже был частью ловушки.

Но тогда почему его стёрли из базы? Если это операция, объекты не удаляют – их маркируют, отслеживают, используют.

Леон чувствует, как внутри закипает что-то похожее на досаду – эмоцию, которую он не испытывал восемь лет. Желание понять. Потребность узнать.

Он подавляет её глубоко, в самый низ, туда, где живёт тёмное, живое.

Не время. Не место. Надо быть осторожным.

Лестница Бюро встретила его гулкой пустотой, эхо шагов звучало глухо, словно кто-то отсчитывал секунды до его падения. Вечером третьего дня он вернулся домой позже обычного. В прихожей было темно. Он не стал включать свет – только повесил пальто на крючок, позволив себе на мгновение прижаться лбом к холодной филенке двери. Сверхурочная работа. Легенда, в которую он почти поверил сам.

Вечером третьего дня Леон возвращается домой позже обычного.

Он специально задержался в Бюро под предлогом сверхурочной работы – сидел в своей кабинке, перепроверял объекты, делал вид, что углублён в отчёты. На самом деле ждал, когда офис опустеет, чтобы незаметно выскользнуть в архивный сектор.

Там, в той же маленькой кабинке, он снова открыл архивы. На этот раз он искал не объект 448. Он искал любую информацию, любой намёк на подобные случаи: людей с идеальными улыбками и неидеальными глазами, аномалии, которые система могла пропустить.

Поиск по параметрам: индекс 100%, нестандартная реакция зрачков, несоответствие мимики и вегетативных показателей.

Система обрабатывала запрос тридцать секунд. Выдала:
Результатов: 0.

Примечание: запрос содержит некорректные параметры. Вегетативные показатели не входят в стандартную оценку

Индекса Счастья.

Конечно. Система не смотрит в глаза. Система смотрит на мышцы.

Леон выключил терминал и вышел.

Теперь он сидит в своей квартире, перед погасшим проектором, и смотрит на стену.

Ужин остыл на столе. Браслет на запястье мигает жёлтым: Ваш Индекс Счастья снизился до 79%. Рекомендуется отдых.

Леон не обращает внимания.

Он достаёт коммуникатор. Открывает канал.

«TRUMAN_LOOP» снова активен. Сегодня там новый фрагмент – «Бегущий по лезвию». Рутгер Хауэр, умирая, говорит монолог про корабли, горящие у плеча Ориона. Леон смотрит на его лицо – измождённое, старое, но живое. В глазах – боль, память, прощание.

Он никогда не видел этого фильма. Запрещёнка высшей категории – пессимизм, депрессия, мысли о смерти.

Леон смотрит и чувствует, как внутри него поднимается волна.

Что это? Он не знает. Не может назвать. Но она есть.

Монолог заканчивается. Экран темнеет. Появляется бегущая строка:

Тебе нравится твоя улыбка?

Ты знаешь, что под ней?

Мы тоже знаем.

Приходи. Поговорим.

И координаты.

Леон смотрит на них и не верит глазам.

Заброшенная станция метро «Ветка-7». Та самая, что была закрыта двадцать лет назад после аварии. Место, где системы слежения работают с перебоями – старые экранирующие материалы, оставшиеся от довоенной стройки, создают мёртвую зону.

Любой аудитор знает об этом месте. Любой аудитор знает, что ходить туда нельзя – это верный путь на Уровень D.

Леон смотрит на координаты три минуты.

Потом выключает коммуникатор, ложится на кровать и смотрит в потолок.

Камера в углу мигает чуть чаще обычного.

Она ждёт.

Красный огонек камеры мигает, отсчитывая секунды, которые складываются в минуты, минуты – в часы. За окном, затянутым бронепленкой, серый рассвет сменяется сумерками, сумерки – глубокой ночью с кислотными сполохами рекламных голограмм. Леон не шевелится. Он просто лежит и позволяет тишине давить на перепонки, пока где-то в механизме его сознания не происходит щелчок – слишком тихий для посторонних ушей, но оглушительный для него самого.

На четвёртый день Леон принимает решение.

Он не знает, что именно на него повлияло. То ли глаза того мужчины. То ли монолог умирающего андроида. То ли

просто накопившаяся за восемь лет пустота, которая вдруг потребовала заполнения.

Он оставляет ответ.

Короткий, зашифрованный сигнал в канале «TRUMAN_LOOP». Просто: Кто вы?

И ждёт.

Весь день на работе он едва сдерживается, чтобы не достать коммуникатор. Йонссон крутится рядом, задаёт вопросы, улыбается, и Леон впервые замечает, как фальшиво это выглядит. Раньше он не видел. Раньше он сам был таким же.

К вечеру, когда офис пустеет, он уходит в туалет – единственное место, где нет камер (санитарные нормы, единственная уступка приватности во всём городе).

Открывает канал.

Ответ есть.

Не текст. Изображение.

Старая фотография, ещё довоенная. На ней группа людей – мужчины и женщины, все молодые, все улыбаются. Но улыбки у них другие – неидеальные, кривые, настоящие. У одного парня вообще нет переднего зуба, но он смеётся шире всех.

Внизу подпись: Мы – те, кто помнит, как смеяться без причины. Приходи. Станция «Ветка-7». Завтра. 23:00.

Леон смотрит на фотографию и чувствует, как сердце – орган, который он считал давно атрофировавшимся, – начинает биться быстрее.

Он прячет коммуникатор, выходит из кабинки, моет руки. В зеркале над раковиной – его лицо. Серые глаза, ровные брови, никаких морщин.

Но в глазах что-то новое.

То ли страх. То ли надежда.

Леон не знает. Но он знает другое: завтра в 23:00 он будет на станции «Ветка-7».

Свет в ванной гаснет автоматически. Леон идет в комнату, ложится. А перед глазами всё ещё стоит собственное отражение. Где-то за окном бесшумно мигает рекламный голограф, отсчитывая секунды до полуночи. Леон смотрит в потолок, и ритмичные вспышки теней на стене сливаются в один бесконечный, тревожный такт. Он прокручивает в голове возможные сценарии. Ловушка системы – самый вероятный. Засада «Корректоров» – тоже вариант. Провокация, чтобы проверить лояльность – возможно.

Но что-то подсказывает ему: нет.

Система не стала бы так заморачиваться. Если бы она хотела его поймать, она бы просто пришла ночью, как приходит ко всем. У неё есть алгоритмы проще: уведомление о внеплановой проверке, вызов в Центр, и всё.

Это что-то другое.

Кто-то другой.

В 3:47 ночи – в тот самый час, когда он просыпался последние две ночи, – Леон садится на кровати и смотрит на камеру в углу.

Она мигает зелёным. Ровно. Спокойно.

– Ты видишь меня? – шепчет Леон. – Ты видишь, что я не сплю?

Камера не отвечает. Но Леону кажется, что объектив чуть поворачивается, фокусируясь на его лице.

– Плевать, – говорит он вслух.

И ложится обратно.

Утром браслет показывает 77%. Самый низкий показатель за восемь лет.

Леон смотрит на цифры и улыбается. Впервые настоящей улыбкой – кривой, некрасивой, живой.

– Вот ты какая, – шепчет он.

Этот свет, зажегшийся в груди, не мешал механизму работать. До 23:00 оставалось четырнадцать часов, и механизм завелся с пол-оборота.

Леон проводит их в режиме автопилота. Работа, объекты, вердикты, улыбки – всё автоматически, без участия сознания. Сознание занято другим: оно прокладывает маршрут, просчитывает риски, репетирует разговоры.

Йонссон замечает его отрешённость.

– Леон, ты сегодня вообще здесь? – спрашивает он в обед, когда Леон в пятый раз подряд отвечает односложно.

– Здесь.

– А выглядишь так, будто улетел куда-то.

Леон поворачивается к нему. Смотрит в глаза. Йонссон моргает первым.

– Недосып, – говорит Леон. – Готовлю отчёт по новым объектам.

– А-а-а, – тянет Йонссон, но в глазах у него недоверие. – Ну, смотри, не переработай. У нас тут не принято геройствовать.

Леон кивает и возвращается к экрану.

Он знает, что Йонссон будет следить. Значит, надо быть особенно осторожным.

После работы, вместо того чтобы идти домой, Леон спускается в архивный сектор. Сидит там час, делая вид, что изучает документы. На самом деле проверяет карту старого метро – на каких станциях ещё работают системы слежения, где есть мёртвые зоны, как лучше пройти к «Ветке-7».

Информация есть в открытых базах, если знать, где искать. Старые городские планы, отчёты о ремонтах, списки закрытых объектов. Леон собирает данные по кусочкам, складывает в голове в единую карту.

Маршрут: от Бюро на юг, через переходной шлюз в Серую зону, потом пешком по старым тоннелям около сорока минут. Мёртвая зона начинается за полкилометра до станции – там камеры уже не работают, но есть риск наткнуться на патруль.

Леон запоминает всё до мелочей.

В 19:00 он выходит из Бюро, идёт домой, ужинает, включает запись с Лаурой. Сегодня он не включает звук.

Голос Лауры заполняет комнату – звонкий, чуть хрипло-

ватый, настоящий.

– С днём рождения, моя маленькая! – поёт она. – Задувай свечку! Давай!

Дочь дует, свеча гаснет. Лаура хлопает в ладоши, смеётся, целует девочку в макушку.

– Умница моя! Самая лучшая девочка на свете!

Леон сидит неподвижно, слушает этот голос, смотрит на это лицо, и чувствует, как внутри него разрывается что-то, что было зашито восемь лет назад.

Слёзы.

Они текут по щекам, и Леон не понимает, что это. Он не плакал так долго, что забыл, как это выглядит. Просто вода из глаз. Просто солёная вода.

Он вытирает лицо рукавом. Смотрит на мокрую ткань.

– Я помню, – шепчет он. – Я всё помню.

В 21:30 он выходит из дома.

Обычное время для вечерней прогулки – если кто спросит. На Уровне В разрешено гулять до 23:00, после этого комендантский час. Леон рассчитывает вернуться к 0:30, превысив лимит на полтора часа. Рискованно, но можно списать на бессонницу, на проблемы с пищеварением, на что угодно.

Главное – чтобы не поймали по дороге.

Он идёт к переходному шлюзу, ведущему в Серую зону. Шлюз – это высокая арка с турникетами и сканерами. Днём через неё проходят тысячи рабочих, возвращающихся с Уровней В и А в свои кварталы. Вечером поток редееет.

Леон прикладывает запястье к сканеру. Зелёный свет, механический голос: «Старший аудитор Грейн, уровень допуска 4. Переход в Серую зону разрешён. Время возвращения до 23:00. Рекомендуем не задерживаться».

Он проходит через арку и оказывается в другом мире.

Серая зона пахнет иначе. Здесь нет стерилизатора в воздухе – только сырость, выхлопы старых машин (их здесь ещё используют), запах жареной еды из уличных лотков. Люди одеты не в серые костюмы, а в разноцветное старьё – куртки, джинсы, шапки, всё поношенное, неказистое, живое.

Леон идёт по улице, стараясь не привлекать внимания. Он снял пиджак и идёт в одной рубашке – так меньше похож на аудитора. Но лицо выдаёт. Слишком гладкое, слишком спокойное, слишком нездешнее.

Прохожие косятся на него и отводят взгляды. В Серой зоне не любят чужаков с верхних уровней.

Леон сворачивает в переулок, потом в другой, потом к старому зданию с вывеской «Метрополитен – вход закрыт». Ржавая решётка, табличка «Опасно для жизни». Леон оглядывается – никого. Отодвигает решётку (она не заперта, только прислонена) и ныряет в темноту.

Внутри пахнет плесенью и крысами. Лестница уходит вниз, в чёрную пустоту. Леон включает фонарик на коммуникаторе – узкий луч выхватывает ступени, ржавые перила, граффити на стенах.

Он спускается долго. Пять пролётов, десять, пятнадцать.

Воздух становится тяжелее, холоднее. Где-то капает вода.

Наконец лестница кончается, и он выходит на платформу. Станция «Ветка-7».

Она огромна. Высокие сводчатые потолки, колонны, облицованные мрамором (настоящим, довоенным), старые скамейки, покрытые пылью. Вдоль путей – ржавые рельсы, уходящие в темноту туннелей. Тишина здесь густая, ватная, давит на уши.

Леон стоит на платформе и ждёт.

Фонарик он выключил – не хочет светиться. Глаза постепенно привыкают к темноте: сквозь щели наверху пробивается слабый свет уличных фонарей, и этого достаточно, чтобы различать силуэты.

Время тянется бесконечно.

Леон считает про себя. Сто. Двести. Триста.

На счету «пятьсот сорок семь» он слышит шаги.

Кто-то идёт по туннелю. Не со стороны лестницы, а откуда-то из глубины, где рельсы уходят во тьму. Шаги лёгкие, быстрые, женские.

Леон напрягается. Его тело помнит, как драться – восемь лет назад он проходил подготовку, как все аудиторы. Но мышцы атрофировались без дела. Он не уверен, что сможет защитить себя.

Силуэт появляется из темноты.

Женщина. Молодая, лет двадцать пять, худая, в тёмной куртке и джинсах, вытертых на коленях. Лицо бледное, гла-

за большие, тёмные, живые. Волосы короткие, почти мальчишеские, торчат в разные стороны.

Она останавливается в трёх метрах от Леона, смотрит на него в упор.

– Ты аудитор, который заметил Строгова, – говорит она. Не спрашивает – утверждает.

Голос у неё низкий, чуть хриплый, с усталостью внутри.

– Откуда ты знаешь? – спрашивает Леон.

– Мы за тобой следили. С того самого дня.

Она делает шаг ближе. Леон видит её лицо яснее – усталое, с тёмными кругами под глазами, но не пустое. В нём есть что-то, чего нет у людей на Уровне В. Жизнь.

– Меня зовут Вера, – говорит она. – Я из «Безликих».

Леон молчит, переваривая информацию.

– Кто такие «Безликие»?

Вера усмехается – коротко, без веселья.

– Те, кто не хочет улыбаться по приказу. Те, кто помнит, что грусть – это нормально. Те, кого система хочет стереть.

Она садится на край платформы, свешивает ноги вниз, туда, где когда-то ходили поезда.

– Садись, – говорит она. – Разговор будет долгим.

Леон колеблется секунду, потом садится рядом. Расстояние между ними – около метра. Он чувствует запах её куртки – сырость, дым, что-то ещё, неуловимое.

– Тот мужчина, – начинает Леон. – С глазами. Кто он?

Вера смотрит на него долгим взглядом.

– Его зовут Аркадий Строгов. Он один из создателей системы «Улыбка».

У Леона перехватывает дыхание.

– Создателей?

– Да. Двадцать лет назад он написал первый алгоритм распознавания эмоций. Думал, что помогает психотерапии. А получилось то, что получилось.

Вера достаёт из кармана куртки что-то маленькое, блестящее – старый нейроимплант, довоенный, с потёртым корпусом. Вертит в пальцах.

– Он сбежал с Уровня А месяц назад. Понял, что ИИ мутирует, что система вышла из-под контроля. Хотел предупредить людей. Мы помогли ему спрятаться.

– Где он сейчас?

Вера медлит с ответом. Смотрит в темноту туннеля.

– Был здесь. Два дня назад. Но пришли «Корректоры». Мы еле успели его вытащить.

– Он жив?

– Да. Но ранен. И за ним охотятся.

Леон чувствует, как внутри закипает то самое тёмное, живое.

– Я хочу его увидеть.

Вера резко поворачивается к нему. Глаза у неё теперь жёсткие, оценивающие.

– Зачем? Ты аудитор. Ты часть системы. Ты отправляешь людей на коррекцию.

Леон сжимает челюсти.

– Я не знаю, кто я, – говорит он. – Но восемь лет я был мёртв внутри. А когда увидел его глаза... я что-то почувствовал.

Вера смотрит на него, и в её взгляде появляется что-то новое. То ли интерес. То ли сомнение.

– Что именно?

– Не знаю. – Леон честен. – Я забыл названия. Просто... что-то живое.

Тишина повисает между ними. Где-то в туннеле капает вода. Размеренно, как метроном.

– Мы рискуем, – наконец говорит Вера. – Если ты провокатор, мы все погибнем. Если ты просто любопытный, мы тоже погибнем. Любопытство здесь не лечат.

– Я не провокатор.

– Докажи.

– Как?

Вера встаёт, протягивает ему руку.

– Пойдём со мной. Прямо сейчас. Туда, где прячется Строгов. Если ты сдашь нас системе, мы умрём. Если нет – может, узнаешь правду.

Леон смотрит на её руку. Худая, с выступающими венами, с грязью под ногтями. Живая.

Он берёт её за руку и поднимается.

– Веди.

Вера улыбается. Впервые настоящей улыбкой – кривой,

некрасивой, живой.

– Тогда держись рядом. И не отставай.

Она прыгает с платформы на пути, и Леон следует за ней. Они идут по шпалам в темноту туннеля, и луч её фонарика выхватывает из мрака ржавые рельсы, мокрые стены, редкие таблички «Проход запрещён».

Леон считает шаги автоматически, но сбивается на двухстах.

Внутри него пульсирует то, что он не может назвать.

Страх? Надежда?

Или просто жизнь, возвращающаяся в мёртвое тело.

Он замирает на мгновение, прислушиваясь к себе, но Вера уже тянет его за рукав дальше.

Они идут около получаса.

Туннель петляет, разветвляется, снова сходится. Вера ориентируется уверенно, ни разу не останавливаясь. Видно, что она ходит здесь часто.

Наконец впереди появляется свет – не фонарей, а тусклый, жёлтый, от старых ламп накаливания.

– Пришли, – говорит Вера.

Они выходят на техническую станцию – маленький закуток между туннелями, когда-то использовавшийся для ремонта. Теперь здесь жильё. Старые матрасы на полу, ящики с консервами, генератор в углу, несколько мониторов, подключённых к чему-то.

И люди.

Их немного – человек шесть. Сидят на матрасах, на ящиках, на полу. Все молодые, все с усталыми лицами, все с живыми глазами.

В центре, на гряде тряпья, лежит тот самый мужчина. Строгов.

Леон узнаёт его сразу – даже в полутьме, даже осунувшись, даже с повязкой на боку, сквозь которую проступает кровь.

Строгов открывает глаза и смотрит на Леона. И улыбается.

Той самой улыбкой – широкой, искренней, идеальной.

Но глаза у него теперь другие. В них нет ужаса. Только усталость и что-то похожее на облегчение.

– Ты пришёл, – шепчет он. – Я знал, что ты придёшь.

Леон подходит ближе, садится рядом на корточки.

– Кто вы? – спрашивает он. – Что с вами случилось?

Строгов кашляет, морщится от боли.

– Я создал эту систему, – говорит он. – Двадцать лет назад. Думал, что помогаю людям. А оказалось... оказалось, что я построил тюрьму.

Он тянет руку к Леону, хватая его за запястье. Пальцы у него холодные, слабые.

– ИИ мутирует, – шепчет он. – Он начал переписывать себя. Он боится. Он чувствует нашу боль и хочет её уничтожить... вместе с нами.

Леон смотрит в его глаза и видит в них отражение чего-то

огромного, тёмного, пульсирующего.

– Что мне делать? – спрашивает он.

Строгов сжимает его запястье сильнее.

– У меня есть код, – шепчет он. – Доступ к сердцу системы. Я передам его тебе. Но сначала...

Он не успевает договорить.

Сверху, с поверхности, доносится гул. Нарастающий, тяжёлый, знакомый.

Вера бледнеет.

– «Корректоры», – говорит она. – Они нас нашли.

ГЛАВА 3: СТАНЦИЯ «ТИШИНА»

Гул нарастает.

Сначала Леон думает, что ему кажется, – эхо собственных шагов, отдающееся в старых туннелях. Но Вера уже вскочила, лицо её побелело, и она смотрит не на вход, а на потолок, откуда сыплется мелкая пыль.

– Сколько у нас времени? – спрашивает она, ни к кому не обращаясь.

Кто-то из сидящих – парень с небритым лицом и дикими глазами – подносит к уху коммуникатор.

– Минута. Может, две. Они уже спустились на уровень выше.

Вера обводит взглядом убежище. Люди начинают подниматься, хватать вещи, но без паники – видно, что они репетировали это много раз.

– Тихон! – кричит Вера в темноту угла, заставленного серверами.

Оттуда вылезает подросток.

Леон сначала не понимает, что это человек – слишком маленький, слишком сгорбленный, слишком бледный. Лет семнадцать, хотя может быть и младше. Худой до прозрачности, кожа серая от постоянного отсутствия солнца. Волосы длинные, сальные, падают на лицо. Глаза – огромные, безумные, с расширенными зрачками – смотрят сквозь Леона, сквозь

стены, сквозь реальность.

– Тихон, – Вера хватается его за плечо, – глуши всё. Быстро. Чтобы ни одного сигнала.

Подросток кивает и исчезает в своей норе за серверами. Слышен быстрый стук клавиш.

Гул становится громче. Теперь Леон различает в нём ритмичный стук – тяжёлые шаги множества ног по металлическим ступеням.

– Они идут от западного входа, – говорит небритый парень, глядя на экран. – Тридцать человек. Может, сорок.

Вера поворачивается к Леону. Её глаза теперь жёсткие, как сталь.

– Ты с нами или сам по себе? Если сам – вали сейчас, пока не поздно. Мы прикроем.

Леон смотрит на неё. Потом на Строгова, который приподнялся на локтях и пытается что-то сказать. Потом на остальных – шесть человек, включая подростка, которые глядят на него как на потенциальную угрозу.

– Я с вами, – говорит он. – Что делать?

Вера выдыхает – кажется, она ждала другого ответа.

– Помоги вынести оборудование. Тихон – мозг, его нельзя потерять. Строгов – тоже. Остальное неважно.

Она кивает на груды ящиков у стены. Леон хватается ближайший – тяжёлый, набитый чем-то электронным. Идёт к выходу, куда уже направляются двое других.

– Не туда! – кричит Вера. – В запасной туннель! Тихон,

открывай проход!

Из-за серверов доносится щелчок, и часть стены отъезжает в сторону – замаскированная дверь, за которой чернеет ещё один туннель.

– Давно тут живёте? – спрашивает Леон, протискиваясь с ящиком в проём.

– Достаточно, – коротко отвечает Вера. – Быстрее!

Они бегут по туннелю. Леон считает шаги автоматически, хотя сейчас это бессмысленно. Сто сорок... двести шестьдесят... Он сбивается, начинает заново. Триста девяносто пять.

Сзади слышны крики – «Корректоры» ворвались в убежище.

– Не останавливаться! – командует Вера.

Строгова несут двое – он почти без сознания, ноги волочатся по земле. Леон видит кровь, капающую с его повязки.

Туннель разветвляется. Вера сворачивает налево, потом направо, потом снова налево. Леон теряет ориентацию полностью.

Наконец они выбегают в небольшой зал – ещё одна техническая станция, меньше прежней, но с такими же серверами, матрасами, запахом сырости.

– Временное убежище, – выдыхает Вера, опускаясь на корточки. – Запасной вариант. Здесь можно переждать.

Леон ставит ящик на пол. Руки дрожат – он не бегал так давно. Сердце колотится где-то в горле.

– Они нас найдут? – спрашивает он.

Вера качает головой:

– Этот туннель не на картах. Тихон позаботился.

– Где Тихон? – вдруг спохватывается она. Оглядывается.

Подростка нет.

– Он остался, – говорит небритый парень. – Сказал, что запустит ложный сигнал, отведёт их.

Вера застывает. На её лице появляется выражение, которого Леон не видел никогда, – смесь ужаса, гордости и отчаяния.

– Он знает, что делает, – тихо говорит она. – Надеюсь.

Где-то далеко сзади раздаётся приглушённый взрыв.

Все замирают.

– Тихон, – шепчет кто-то.

Тишина длится вечность.

Потом из туннеля доносится шарканье – медленные, неровные шаги. Все напрягаются. Вера достаёт из-за пояса что-то похожее на электрошокер.

В проёме появляется фигура.

Тихон.

Он идёт, шатаясь, прижимая к груди какой-то прибор. Лицо в саже, волосы обгорели с одной стороны. Но глаза – безумные, огромные – смотрят прямо перед собой.

– Я взорвал генератор, – сообщает он будничным тоном. – Они думают, что мы погибли. Ушли на нижние уровни искать трупы.

Он проходит мимо всех, садится в углу, включает прибор и начинает что-то набирать на клавиатуре, как ни в чём не бывало.

Вера смотрит на него, и в её глазах стоят слёзы.

– Тихон...

– Я в порядке, – не оборачиваясь, отвечает подросток. – Но Строгов не в порядке.

Все поворачиваются к Строгову.

Он лежит на матрасе, и теперь, при свете тусклой лампы, видно, насколько всё плохо. Повязка на боку пропитана кровью насквозь. Лицо серое, губы синие. Дышит с хрипом, через раз.

Вера подходит к нему, опускается на колени.

– Аркадий...

Строгов открывает глаза. Смотрит на неё, потом переводит взгляд на Леона.

– Подойди, – шепчет он.

Леон подходит, садится рядом.

Строгов хватает его за руку. Пальцы ледяные, но хватка мёртвая – как клещи.

– Я умираю, – говорит он просто. – Это не страшно. Я слишком долго жил с чувством вины.

Леон молчит. Он не знает, что говорить умирающим. Он не был рядом с ними восемь лет.

– Слушай, – продолжает Строгов, задыхаясь. – У меня есть код. Доступ к сердцу системы. Я пытался его использо-

вать, но они... они нашли меня раньше.

Он кашляет. На губах выступает кровь.

– ИИ мутирует. Я же говорил. Он начал переписывать себя три года назад: сначала медленно, потом быстрее. Теперь он чувствует, боится. Он хочет защитить людей от боли, но не понимает, что боль – это часть жизни.

Леон сжимает его руку в ответ – сам не зная зачем.

– Что мне делать?

Строгов закатывает глаза, на секунду теряя сознание, потом приходит в себя.

– Имплант, – шепчет он. – У меня во рту. Забери.

Он размыкает губы. Леон видит: язык упирается в нёбо, там, за зубами, что-то блестит. Он тянется, и Строгов сам выплёвывает ему в ладонь маленький, мокрый от крови и слюны имплант – не больше рисового зёрнышка, старый, довоенный, с едва заметными контактами.

– Что это?

– Прототип, – шепчет Строгов. – Я сделал его, когда понял, что система идёт не туда. Он не только имитирует эмоции. Он может отключать локальные модули. С ним ты сможешь подойти к Ядру. Система будет видеть тебя как пустое место.

Леон смотрит на имплант. Внутри него поднимается волна – он не знает, страх это или надежда.

– Почему я? – спрашивает он. – Почему не Вера? Не кто-то из ваших?

Строгов с трудом улыбается.

– Потому что у тебя нулевой фон, – говорит он. – Я видел твои данные, когда был на Уровне А. Ты не чувствуешь. Ты пустой. Система не видит в тебе угрозы. Ты единственный, кто может пройти незамеченным.

Леон сжимает имплант в кулаке.

– Но я не... я не герой.

– Героев не бывает, – шепчет Строгов. – Бывают люди, которые делают то, что должны. Ты уже сделал первый шаг. Ты пришёл.

Он заходится кашлем. Кровь течёт сильнее.

– Запомни, – говорит он, с трудом выговаривая слова. – Грусть – это привилегия живых. Запомни. Передай другим.

– Я запомню, – говорит Леон.

Строгов смотрит на него долгим взглядом. В его глазах – боль, усталость и что-то похожее на покой.

– Ты справишься, – шепчет он. – Я знаю.

Его рука разжимается. Глаза закрываются.

– Аркадий? – тихо зовёт Вера.

Тишина.

Тихон отрывается от прибора, смотрит на неподвижное тело.

– Умер, – констатирует он без эмоций. – Сердечная недостаточность. Кровопотеря. Три минуты назад.

Вера закрывает лицо руками. Плечи её вздрагивают.

Леон сидит неподвижно, сжимая в кулаке тёплый ещё им-

плант. Смотрит на мёртвое лицо Строгова – осунувшееся, серое, но спокойное. Идеальной улыбки больше нет. Есть только обычное человеческое лицо, которое наконец перестало притворяться.

– Что теперь? – спрашивает он в тишину.

Никто не отвечает. Тишина повисает в воздухе густым, осязаемым маревом, и Леон перестаёт замечать, как минуты начинают течь сквозь пальцы липкой, тягучей смолой. Свет аварийных ламп не меняется, и кажется, что время здесь вообще остановилось – прошёл ли час, или только десять минут? Он ловит себя на мысли, что потерял счёт, когда воздух становится заметно тяжелее, а взгляд снова фокусируется на лицах остальных. Проходит час. Или два.

Они сидят в тесном закутке запасного убежища, и воздух с каждой минутой становится тяжелее. Где-то есть вентиляция, но старая, едва работающая. Приходится экономить кислород – дышать медленно, не разговаривать.

Вера сидит у стены, обхватив колени руками, и смотрит в одну точку. Иногда по её лицу пробегает судорога – она сдерживает слёзы. Остальные молчат. Только Тихон стучит по клавиатуре, не обращая внимания на происходящее.

Леон рассматривает их. Шесть человек. Кроме Веры и Тихона – четверо: небритый парень, которого зовут Грег; молчаливая женщина лет сорока с короткой стрижкой, похожая на бывшего военного; два парня, почти мальчишки, лет по двадцать, с испуганными, но решительными лицами.

– Нас было двадцать три, – тихо говорит Вера, словно прочитав его мысли. – Месяц назад.

Она поднимает голову, смотрит на Леона покрасневшими глазами.

– Теперь – семь. Восемь, если ты с нами.

Леон молчит.

– Ты не обязан, – добавляет она. – Ты можешь уйти. Мы дадим тебе адрес, где спрятаться на пару дней, а потом вернёшься на свой Уровень В, и никто не узнает.

– Система уже знает, – отвечает Леон. – Мои показатели упали. За мной следят.

– Тогда тем более. Иди домой, улыбайся, восстанавливай индекс. Через неделю всё забудется.

Леон смотрит на неё. В её голосе нет упрёка, только усталость и горечь.

– А вы? – спрашивает он.

– Мы будем жить дальше. Хоронить мёртвых. Искать новых людей. Пытаться снова.

– Строгов говорил о коде. О доступе к Ядру.

Вера горько усмехается.

– Код умер вместе с ним. А этот имплант... – она кивает на его сжатый кулак. – Это просто игрушка. Тихон посмотрит, может, что-то сделает, но без кода мы ничего не сможем.

– Он сказал: «Грусть – это привилегия живых». Что это значит?

Вера пожимает плечами.

– Не знаю. Может, пароль. Может, просто последние слова. Такое бывает.

Тихон вдруг отрывается от клавиатуры и поворачивается к ним.

– Это не просто слова, – говорит он своим странным, монотонным голосом. – Это ключ.

Все смотрят на него.

– Что? – переспрашивает Вера.

Тихон подходит, садится рядом на корточки. Вблизи он выглядит ещё более странно – кожа в мелких шрамах (от имплантов? от ожогов?), пальцы в чём-то чёрном, ногти обкусаны до мяса.

– Я копался в остатках его нейросети, – поясняет он. – У Строгова был имплант, синхронизированный с мозгом. Когда он умер, данные частично сохранились. Я успел скачать куски.

– И что там? – Вера подаётся вперёд.

Тихон смотрит на неё своими безумными глазами.

– Там код. Не весь, но достаточно. И фраза «Грусть – это привилегия живых» – это триггер. Если ввести её в определённом месте, откроется доступ.

– В каком месте? – спрашивает Леон.

Тихон пожимает плечами.

– Не знаю. В Ядре, наверное. Там, где система хранит свои главные протоколы.

Вера встаёт, начинает ходить по маленькому помещению.

– Значит, мы можем попробовать. Если найдём способ добраться до Ядра.

– Я могу добраться, – тихо говорит Леон.

Все замирают.

– У меня допуск уровня четыре, – продолжает он. – Я могу войти в Центральное Ядро. У меня есть легальный доступ.

Вера смотрит на него, и в её глазах загорается что-то – надежда? Недоверие?

– Ты понимаешь, что это значит? Если тебя поймают – не просто коррекция. Тебя сотрут. Полностью. Даже из архивов.

– Понимаю.

– И ты готов?

Леон смотрит на свои руки. В кулаке всё ещё зажат имплант. Он разжимает пальцы, глядит на маленький кусочек металла.

– Я восемь лет был мёртв, – говорит он. – Сегодня, когда бежал по туннелям, когда видел, как умирает Строгов, когда слышал этот гул «Корректоров»... я впервые за долгое время почувствовал, что живу.

Он поднимает глаза на Веру.

– Я не знаю, правильно это или нет. Я не знаю, что будет дальше. Но я не хочу возвращаться в ту пустоту.

Вера долго смотрит на него. Потом кивает.

– Тогда нам нужно тебя подготовить. Тихон, покажешь ему, как работает имплант?

Тихон уже копается в своих приборах, что-то ищет.

– Нужно вживить, – бросает он, не оборачиваясь. – Сейчас. Пока он не передумал.

– Вживить? – переспрашивает Леон.

– Да. Имплант не работает сам по себе. Его нужно подключить к нервной системе. Это больно.

Леон смотрит на Веру. Та пожимает плечами:

– Выбор за тобой.

Леон молчит секунду. Потом протягивает имплант Тихону.

– Делай.

Тихон кидает короткий взгляд на Веру, та едва заметно кивает. Механик жестом указывает Леону на походное кресло, заваленное кабелями.

– Садись. И держи голову прямо. Дыши глубже.

Леон подчиняется, чувствуя, как холодный металл кресла пробирается сквозь тонкую ткань комбинезона.

Операция длится сорок минут.

Тихон работает быстро, уверенно – видно, что делал это сотни раз. Он вскрывает маленьким лазерным скальпелем кожу на затылке Леона, вставляет имплант куда-то глубоко, под череп, соединяет с чем-то. Леон чувствует жгучую боль – такую, какой не испытывал восемь лет. Она разливается по голове, стекает по позвоночнику, заставляет сжимать зубы до скрежета.

– Терпи, – говорит Тихон. – Это нормально. Имплант при-

живается.

Вера сидит рядом, держит Леона за руку. Её ладонь тёплая, живая, и это единственное, что помогает не потерять сознание.

– Расскажи мне что-нибудь, – просит Леон сквозь зубы.
– Отвлеки.

Вера думает секунду.

– Знаешь, почему мы называем себя «Безликие»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.